

— За эти годы в Чёрной Башне, помимо лечения, у меня было много времени подумать о вещах, о которых я раньше не задумывался. У меня есть способности, и я несу за них ответственность. Я не подвёл Тауэр-зону, и этого достаточно. Какие-то вершины, слава — всё это не важно. Сейчас я просто хочу спокойно отдохнуть и заняться тем, что мне нравится. — Хань Цзюнь поднялся, стряхнул пепел в пепельницу из чёрного хрусталя. Её дизайн с озером и оленем сразу пришёлся ему по душе: углубление для пепла было выполнено в форме озера, а рядом стоял олень, склонивший голову, будто пил воду.

— А что ты хочешь делать, брат? — с любопытством спросил Чжао Хунгуан, положив вымытые помидоры в соковыжималку. Оставалось только превратить их в соус, и томатная паста была бы готова.

Хань Цзюнь задумчиво провёл пальцем по краю пепельницы, где олень склонился к воде. На его красивом лице появилась лёгкая улыбка облегчения.

— Для начала посажу в саду цветы. Обязательно розы.

Когда томатный соус был готов, на столе появился горячий омлет. Видя, что Хань Цзюнь может остаться голодным, Чжао Хунгуан также нарезал и поджарил купленную сегодня говядину. Запах жареного мяса, наполнивший воздух, заставил его понять, почему оно стоило так дорого.

— Брат, ужин готов. — Чжао Хунгуан поставил омлет и стейк на стол и позвал Хань Цзюня, который всё ещё сидел на диване, куря.

Хань Цзюнь затушил сигарету и неспешно подошёл.

— Это мой первый омлет, может быть, не очень вкусный. — Чжао Хунгуан смущённо почесал голову.

— Спасибо за труд. — Хань Цзюнь сел рядом с Чжао Хунгуаном и, взглянув на слегка подгоревший омлет, усмехнулся. — У тебя лучше, чем у меня. Я однажды попробовал сделать омлет — его даже бездомные собаки есть не стали.

— В школе у меня не было возможности готовить, только в отпуске дома я немного учился у мамы.

Чжао Хунгуан полил один из стейков соусом из чёрного перца и протянул его Хань Цзюню.

— Сначала попробую это. — Хань Цзюнь, большой любитель омлета, положил большую ложку самодельного томатного соуса на яичный блин, а затем, почти с благоговением, аккуратно зачерпнул ложкой омлет и отправил его в рот.

Крепкий ментальный бастион защищал обострённые пять чувств Хань Цзюня, далеко

превосходящие обычного стража. Даже если вкус омлета был не идеальным, он мог спокойно его есть, не испытывая дискомфорта, как это было в Чёрной Башне, где вкус еды вызывал у него болезненные ощущения. Однако его желудок, как и говорил Чжао Хунгуан, ещё не полностью восстановился, поэтому ему приходилось тщательно пережёвывать каждый кусок, прежде чем проглотить.

— Вкусно? — осторожно спросил Чжао Хунгуан.

Хань Цзюнь медленно пережёвывал еду, глядя на Чжао Хунгуана с благодарностью и одобрением.

— Да, намного лучше, чем у меня. — С этими словами он зачерпнул ещё одну ложку омлета. Естественная кислинка помидоров придавала рису особый вкус, пробуждая аппетит.

Из-за того, что желудок Хань Цзюня ещё не привык к твёрдой пище, этот простой ужин занял у него целый час.

Увидев, что Чжао Хунгуан торопится убрать со стола, Хань Цзюнь остановил его.

— Иди отдыхай, я сам всё уберу. Я мастер мытья посуды.

Хань Цзюнь шутливо улыбнулся, не замечая, что эти слова выдали его домашние привычки.

В конце концов, это был дом Хань Цзюня, и Чжао Хунгуан не стал спорить. Он молча наблюдал, как тот стоял у раковины, ловко справляясь с посудой. Лёгкая улыбка смягчила его выразительные черты лица.

Свет лампы падал на Хань Цзюня, и на белом кафеле появилась одинокая тень. Не знаю, было ли это иллюзией или результатом ментальной связи, но, несмотря на улыбку Хань Цзюня, Чжао Хунгуан чувствовал глубокую печаль и одиночество в его ментальном море.

— Дядя... — подумав о страданиях, которые Хань Цзюнь пережил за эти годы, Чжао Хунгуан невольно подошёл к нему. Как проводник, он не всегда был рационален.

После этого тихого обращения Чжао Хунгуан, словно в трансе, обнял Хань Цзюня за талию и прижал своё внезапно разгорячённое лицо к его широкой спине.

— Что случилось? — рука Хань Цзюня с тарелкой замерла. Как страж, он имел сильное чувство личного пространства. Не только его разум нуждался в защите ментального бастиона, но и тело инстинктивно отвергало прикосновения других.

Однако, возможно, из-за ментальной связи и высокой степени совместимости, Хань Цзюнь не

испытывал отвращения к тому, как Чжао Хунгуан его обнял.

Чжао Хунгуан вдруг опомнился. Увидев, что он обнял Хань Цзюня, он в панике отшатнулся, споткнулся и ударился о высокий двухдверный металлический холодильник.

— Я... я...

Чжао Хунгуан не мог объяснить своё поведение. Как проводник, не прошедший физического слияния, он был слишком восприимчив к стражам с высокой степенью совместимости, с которыми уже установил ментальную связь.

— Мне нужно в туалет! — не дожидаясь ответа Хань Цзюня, Чжао Хунгуан бросился прочь. Но дом Хань Цзюня был для него слишком незнаком. Он открыл дверь в кабинет, потом в спортзал, но так и не нашёл ванную. В конце концов, ему пришлось попросить помощи у Хань Цзюня, который указал ему путь, и Чжао Хунгуан наконец смог спрятаться в туалете.

Хань Цзюнь не выразил никакого недовольства внезапным поступком Чжао Хунгуана. Увидев, как тот в панике скрылся в ванной, он подумал: «Он всё ещё видит во мне дядю».

Чжао Хунгуан, войдя в туалет, сразу запер дверь. Он прислонился к ней и глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Оценив своё состояние, он понял, что у него началась лихорадка слияния. Пока он ещё мог контролировать себя, он достал таблетки для подавления лихорадки, которые дал ему Линь Шаоань, и проглотил одну.

Горький вкус миндаля быстро распространился по языку. Чжао Хунгуан сжал зубы, заставив себя проглотить таблетку. Через несколько минут жар начал спадать.

Линь Шаоань предупреждал его быть осторожным в общении с Хань Цзюнем, чтобы не спровоцировать лихорадку. Как же он забыл принять лекарство?!

Чжао Хунгуан, даже не сняв брюки, сел на крышку унитаза и, охватив голову руками, сокрушённо застонал.

— Чик!

С увеличением колебаний в ментальном море Чжао Хунгуана его духовное тело, Пухляш, которого выбросило из гнезда, которое оно так усердно строило, беспомощно уселось на голову хозяина. Вспомнив, что часть гнезда обрушилась, оно разозлилось и начало клевать его голову.

Чжао Хунгуан схватил Пухляша в руку. Теперь он мог жаловаться только своему духовному телу.

— Пухляш, Пухляш, Пухляш! Что мне делать? Я обнял дядю Ханя! Это ты своей наглостью

меня заразил?!

— Чик-чирик!

Хотя Пухляш не мог говорить, он прекрасно понимал, что имеет в виду Чжао Хунгуан. Он выпятил грудь и, рассерженный хозяином, который всё свалил на него, превратился в пушистый шарик.

— Что мне делать... Пухляш... Мне так стыдно, я не могу смотреть в глаза дяде Ханю.

Чжао Хунгуан думал, что его сила духа и привычка держать себя в руках защитят его от лихорадки слияния перед любым стражем. Но реальность нанесла ему сокрушительный удар. Лихорадка слияния, возникающая между стражем и проводником с высокой степенью совместимости, восходит к инстинктам размножения животных. Другими словами, Чжао Хунгуан только что впал в состояние возбуждения перед Хань Цзюнем.

<http://bllate.org/book/15254/1345174>